

УДК 94(47).084.6

В.А. ИЛЬИНЫХ

**ИТОГИ ВЕСЕННЕЙ ПОСЕВНОЙ КАМПАНИИ 1930 г.:
ЦЕНА ФОРСИРОВАННОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ***

д-р ист. наук
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: agro_iwa@mail.ru

В статье предпринят анализ итогов весенней сельскохозяйственной кампании 1930 г. в Сибири, выявлены политические, экономические и природно-климатические факторы, которые привели к существенному сокращению площади посева. Одной из основных задач работы является определение репрезентативных и сопоставимых источников, на базе которых можно достоверно реконструировать динамику посевных площадей в регионе в 1929–1930 гг.

Ключевые слова: аграрная политика, Сибирь, коллективизация, сельское хозяйство, посевные площади, статистические источники.

В конце 1920-х гг. мелкотоварное аграрное производство перестало удовлетворять задачам ускоренной модернизации страны. В связи с этим большевистский режим принял курс на форсированную коллективизацию деревни. 5 января 1930 г. ЦК ВКП(б) решил завершить ее в основном в главных зерновых районах «осенью 1930 г. или во всяком случае весной 1931 г.», в других зерновых регионах (в том числе в Сибири) – «осенью 1931 или во всяком случае весной 1932 г.» [1, с. 72]. В регионах данный процесс решили еще более ускорить. 2 февраля 1930 г. Сибкрайком ВКП(б) по инициативе его первого секретаря Р.И. Эйхе выдвинул задачу завершить коллективизацию весной текущего года [2, с. 201]. Начался процесс фактически насильственного объединения крестьян в колхозы. На 20 января 1930 г. в Сибирском крае в колхозах числилось 11 % крестьянских хозяйств, на 1 марта – 49 % [2, с. 291].

Массовое производственное кооперирование уже в 1930 г. должно было привести к существенному приросту объемов сельхозпроизводства. В Сибири посевные площади весной этого года планировалось увеличить на 17,4 %¹. Однако против всех ожиданий большевистских теоретиков и практиков форсированная коллективизация крайне негативно сказалась на состоянии производительных сил сельского хозяйства. Наиболее ощутимо пострадало животноводство. Перед вступлением в колхоз крестьяне распродавали или забивали большую часть принадлежавшего им скота. поголовье крупного рогатого скота в Сибирском крае с октября 1929 г. по март 1930 г. сократилось на 19 %, коров – на 10, овец и коз – на 42, свиней – на 60 %².

Помимо резкого снижения количественных параметров скотоводства ускоренная коллективизация могла привести и к кризису в полеводстве. Семян для проведения весеннего сева не хватало. Спешно созданные

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 10-01-00246а.

¹ Советская Сибирь. 1930. 10 янв.

² ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 4095. Л. 121.

Т а б л и ц а 1

Данные о посевных площадях в Сибири в 1929 и 1930 гг.

Вариант	1929 г., тыс. га	1930 г., тыс. га	Сокращение, %
<i>Сибирский край</i>			
Вариант «А»	9381,5	6943,2	26,0
Вариант «Б»	9431,9	7627,0	19,1
<i>Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский края</i>			
Вариант «В»	10544	8305	21,2
Вариант «Г»	10 209,6	8616,8	15,6
Вариант «Д»	10 544,4	8616,8	18,3

Источники: Вариант «А» – ГАНУ. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 2033. Л. 55; вариант «Б» – Там же. Д. 1853. Л. 76; вариант «В» – Народное хозяйство СССР: Стат. справочник. 1932. М.; Л., 1932. С. 161; вариант «Г» – Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1934. С. 190–191; вариант «Д»: Сельское хозяйство СССР: Ежегодник. 1935. М., 1936. С. 246–247.

колхозы не были готовы к проведению сева ни организационно, ни технически.

Чтобы окончательно не уничтожить аграрный сектор экономики, руководители советского государства скорректировали свою политику по отношению к деревне. Насильственные методы коллективизации были публично дезавуированы. Местные власти не сразу восприняли изменение курса и попытались административными методами воспрепятствовать начавшемуся выходу крестьян из колхозов. В ряде округов были приняты решения о привлечении таких крестьян к уголовной ответственности.

Такой подход не способствовал преодолению политической напряженности в деревне и мог привести к срыву весеннего сева. В связи с этим в Сибирь в качестве уполномоченного Политбюро был направлен секретарь ЦК ВКП(б) Л.М. Каганович, который получил задание положить конец инакомыслию и инакодействию местных функционеров [3].

Помимо политических задач прибывший в Сибирь Л.М. Каганович постоянно занимался решением практических вопросов подготовки к весеннему севу. С его помощью Сибирь получила дополнительные материальные ресурсы: семена, фураж, технику. Несмотря на усилия властей, в полной мере преодолеть последствия форсирования процесса коллективизации в Сибири не удалось. Посевные площади здесь сократились. В архивных источниках и опубликованных статистических сборниках приводятся разные данные о размерах их сокращения (табл. 1). В связи с этим встает задача определения наиболее репрезентативных показателей.

Основным источником определения посевных площадей в 1929 г. во всех представленных в табл. 1 вариантах является проведенная в Сибири в начале лета того же года 10 %-ная выборочная перепись крестьянских хозяйств, которая обрабатывалась в соответствии с принятой в 1920-е гг. методикой. Прежде всего, собранные данные были распространены на всю генеральную совокупность путем умножения средне-статистических параметров обследованных дворохозяйств на их общее количество. Полученные таким

образом показатели должны были затем корректироваться повышательными поправочными коэффициентами, введение которых связывалось с преуменьшением респондентами размеров посевов в своих хозяйствах. Для определения размеров поправок использовались результаты выборочных контрольных обмеров, материалы бюджетных обследований и хлебофуражных балансов [4]. Сведения о посевах в индивидуальном секторе дополнялись данными обследований колхозов и ведомственного учета совхозов.

Определение поправочных коэффициентов занимало длительное время и велось параллельно в региональных статуправлениях и в ЦСУ. При этом поправки, рассчитанные его специалистами, могли отличаться от установленных в регионах.

Первые результаты выборочной сельхозпереписи 1929 г. были обнародованы в Сибири до завершения работы по определению поправочных коэффициентов. Авторы «Контрольных цифр народного хозяйства Сибирского края на 1929–30 г.», «не располагая никакими источниками» для определения поправки на 1929 г., «в экспертном порядке» приняли для этого года поправку, ранее рассчитанную для 1928 г. – 14,5 %³. В начале 1930 г. детальные результаты переписи были опубликованы в официальном региональном статистическом справочнике «Сибирский край», в котором приводились данные о посевах по краю в целом, двум его регионам (Юго-Западной и Северо-Восточной Сибири), всем округам и основным культурам. При этом в справочнике была сохранена принятая как временная поправка для площади посева крестьянских хозяйств в 14,5 %⁴.

Обнародованные в нем сведения воспроизведены в докладной записке крайземуправления об итогах весенней сельскохозяйственной кампании 1930 г. (без учета посевов в городах) (вариант «А») и подготовленном в статсекторе крайплана «Статистико-экономическом обзоре по сельскому хозяйству Сибирского края» за 1929 и 1930 гг. (вариант «Б»).

³ Жизнь Сибири. 1929. № 7–8. С. 31.

⁴ Сибирский край: Стат. справочник. Новосибирск, 1930. С. 329.

Летом 1930 г. появились первые данные о размерах посевных площадей текущего года. Цифра 6943,2 тыс. га (вариант «А») была получена в рамках оперативного учета, который велся земельными органами. Первичные данные каждые пять дней с 10 мая по 25 июня собирались секретарями сельсоветов и передавались в районные, затем окружные земельные отделы и в конечном итоге поступали в крайземуправление. В конце июня туда из большинства округов поступили итоговые отчеты, на основании которых были получены общекраевые данные⁵.

Специалисты крайземуправления признали итоги своей работы не полными. По их мнению, недостаточная полнота учета объяснялась: «1) *укрытием посевицами фактических размеров сева; 2) малограмотностью и неопытностью секретарей сельсоветов, составляющих сводки по севу; 3) неумением председателей сельсоветов организовать учет таким образом, чтобы отчетность о севе приближалась к действительности; 4) плохими средствами связи с районными центрами и с сельсоветами*»⁶.

Более репрезентативными были признаны результаты работы статсектора крайплана⁷ (вариант «Б»), основанные на обработке проведенного летом 1930 г. 10 %-ного выборочного обследования с использованием «географии поправок прошлого года». Однако в этом году, в отличие от предыдущих опросов, оно было проведено только в 11 округах («наиболее значительных») из 18. Для определения посевной площади в остальных округах были привлечены материалы учета земорганов, которые были скорректированы поправочными коэффициентами на недоучет, составлявшими для северо-восточной и юго-западной частей региона – 22 и 17 % соответственно⁸.

Летом 1930 г. проводилась перестройка административно-территориального устройства региона. Округа упразднились, а Сибирский край был разделен на Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский края. В состав последнего, помимо четырех восточных округов бывшего Сибирского края, вошли территории Сретенского и Читинского округов Дальневосточного края и Бурят-Монгольская АССР. После изменения административного деления специалисты статсектора Западно-Сибирского крайплана пересчитали ранее полученные сведения по краю в целом и отдельным культурам за 1929 и 1930 гг. в новых границах. По их сведения, в территориальных рамках Западно-Сибирского края было засеяно в 1929 г. 8216,9 тыс. га и в 1930 г. – 6409,1 тыс. га⁹ (эти показатели мы обозначаем как вариант «Б-1»).

⁵ По Минусинскому и Хакасскому округам, итоговые отчеты из которых не поступили, в общекраевые данные были включены оперативные сведения на 25 июня (ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 2033. Л. 43).

⁶ Там же.

⁷ Эти данные положены в основу справки информационно-статистического сектора Сибкрайкома ВКП(б) «Об итогах сева 1929/30 (озимые и яровые) в Сибкрае» от 6 июля 1930 г. (Там же. Ф. П-2. Оп. 5а. Д. 80. Л. 91–111).

⁸ Там же. Л. 91.

⁹ ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 206. Л. 18.

Аналогичная работа проведена в Восточной Сибири. Ее результаты были опубликованы в «Экономико-статистическом справочнике по Восточно-Сибирскому краю» (вариант «Б-2»). В 1929 г. посевы в целом по краю составляли 1885,5 тыс. га, в 1930 г. – 1770,0 тыс. га, а в рамках той территории, которая ранее входила в Сибирский край, 1233,3 и 1124,9 тыс. га соответственно¹⁰.

Сведения о посевных площадях Сибири за искомые годы были опубликованы в ряде статистических сборников ЦУНХУ (варианты «В», «Г» и «Д»). Применительно к 1929 г. они базируются на полученных из статуправлений Сибирского и Дальневосточного краев, а также Бурят-Монгольской АССР распространенных итогах 10 %-ной выборочной переписи крестьянских хозяйств 1929 г., дополненных материалами по колхозам и совхозам. Специалисты центральных статистических органов, обрабатывавшие поступивший из регионов материал, применили к ним скорректированный поправочный коэффициент. Рассчитанная нами величина поправки на недоучет посевов в крестьянских хозяйствах в территориальных рамках Западно-Сибирского края для вариантов «В» и «Д» составляет 22,8 %.

Естественно, что перед публикацией в указанных сборниках ранее обработанные данные должны были пересчитываться в измененных границах. Однако составители изданного в 1934 г. статистического ежегодника «Социалистическое строительство СССР» (вариант «Г») при его подготовке, по нашим подсчетам, совершили ошибку. В сведениях по Восточно-Сибирскому краю за 1929 г. они не учли посевную площадь на территории Читинского и Сретенского округов, включив ее в данные по Дальневосточному краю¹¹. Применительно к 1930 г. такого рода ошибку они не допустили. Составители двух других статистических сборников были более корректными в своих территориальных пересчетах.

Данные по 1930 г. в вариантах «Б-1» и «Б-2» близки к цифрам, указанным в изданном в 1932 г. сборнике «Народное хозяйство СССР» (вариант «В»). Заметное несовпадение зафиксировано только по озимым посевам. Так, в варианте «В» их площадь на территории Западно-Сибирского края больше, чем в варианте «Б-1», на 19,5 %. Возможно, это произошло потому, что в материалах статсектора крайплана данные по озимым посевам, в отличие от яровых, приведены без поправки на недоучет. Поправочный коэффициент мог быть затем внесен либо перед отправкой в Москву, либо непосредственно в центральных статистических органах.

Разница в сведениях о размерах посевных площадей в 1930 г. между вариантами «Б-1» и «Б-2», с одной стороны, и совпадающими данными, представ-

¹⁰ Экономико-статистический справочник по Восточно-Сибирскому краю. Иркутск, 1932. С. 22, 139.

¹¹ Эта ошибка была воспроизведена в одноименном ежегоднике следующего года (Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегод. М., 1935. С. 339).

Т а б л и ц а 2

Площадь ярового посева в Сибири в 1929 и 1930 гг., тыс. га

Вид посева / культура	Вариант «Б-1», Западно-Сибирский край		Вариант «Б-2», Восточно-Сибирский край	
	1929 г.	1930 г.	1929 г.	1930 г.
Пшеница	4576,1	3521,1	606,5	566,5
Овес	1805,7	979,7	385,3	331,1
Рожь	44,3	33,8	342,2	312,0
Ячмень	137,7	86,6	47,3	59,1
Просо	136,9	440,3	5,0	10,0
Зерновые	7430,8	5738,1	1445,8	1336,7
Лен	206,0	168,1	14,7	16,1
Конопля	92,9	81,0	18,9	17,0
Картофель	170,4	115,3	46,1	48,1
Огородно-бахчевые	83,1	100,7	13,3	18,3
Итого яровых	7594,0	5815,1	1606,3	1495,8

Источники: Вариант «Б-1» – ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 206. Л. 18; вариант «Б-2» – Экономико-статистический справочник по Восточно-Сибирскому краю. Иркутск, 1932. С. 138–139.

ленными в вариантах «Г» и «Д», – с другой, является гораздо более существенной. Особенно велика она по Западно-Сибирскому краю. Так, приведенные в ежегоднике «Социалистическое строительство СССР»¹² данные больше, чем приведенные в варианте «Б-1» по яровой ржи (на 48,2 %), картофелю (на 28,1), озимой ржи (на 25,9), подсолнечнику (на 19,6), ячменю (на 5,3), овсу (на 4,7), площади посева в целом (на 6,6), но меньше по гречихе (на 37,5), просу (на 20,4 %). Незначительной является разница только по пшенице (0,8 %) и льну (1,2 %).

Причины столь значительного несовпадения заключаются в изменении методики обработки поступивших из регионов статистических материалов. Поправочные коэффициенты теперь рассчитывались на основе данных налогового учета и проводимых финансовыми органами выборочных контрольных обмеров. Однако специалисты ЦУНХУ, воспользовавшись новой методикой относительно поступивших к ним данных за 1930 г., не применили ее к данным за 1929 г., что сделало их несопоставимыми.

Таким образом, наиболее репрезентативными источниками для выявления динамики посевных площадей в 1929–1930 г. являются материалы, составляющие варианты «Б», «Б-1», «Б-2» и «В». В них приведены полученные по аналогичной методике данные как за 1929, так и за 1930 г. Однако и в перечисленных вариантах есть аспекты, затрудняющие их использование для определения изменения площади посева. В варианте «В» отсутствуют данные по отдельным культурам. В варианте «Б» нет сведений по ряду округов, а посевы не разделены на озимые и яровые. В вариантах «Б», «Б-1» и «Б-2» размеры озимого посева для 1930 г. приведены без поправок, а ярового – с поправками.

Отмеченная несопоставимость двух последних вариантов применительно к задачам настоящей работы не имеет существенного значения. При подведении итогов весенней посевной кампании посевы озимых культур можно «вывести за скобки». Дело в том, что учитывали озимый посев в год уборки, но проводили осенью предыдущего года. Озимая кампания 1929 г., результаты которой были статистически зафиксированы в рамках следующего года, проходила в иных хозяйственно-политических условиях, нежели весенняя посевная 1930 г.

Основываясь на статистических материалах, которые содержатся в источниках, составляющих варианты «Б-1» и «Б-2», осуществим реконструкцию динамики площади ярового посева в Сибири в 1929–1930 гг. (табл. 2).

Согласно приведенным в табл. 2 данным площадь ярового посева в Сибири в целом, включая Забайкалье, в 1930 г. уменьшилась по сравнению с 1929 г. на 20,5 %, в том числе в территориальных рамках Западно-Сибирского края – на 23,4, Восточно-Сибирского края – на 6,9 %. Снижение общей площади пашни произошло в значительной степени за счет пшеницы и овса (78,9 и 59,8 % от уровня 1929 г. по региону и 76,9 и 54,3 % на западе). Заметно сократились посевы ячменя (62,9 %), картофеля (67,6), льна (81,6) в западной части Сибири, яровой ржи в целом по региону (89,5 %). В то же время в Западно-Сибирском крае увеличилась площадь, занятая огородно-бахчевыми культурами (на 21,2 %), в Восточно-Сибирском крае – огородно-бахчевыми, ячменем и льном (на 37,6, 24,9 и 9,5 % соответственно). Но наиболее существенный прирост был зафиксирован по просу – в 3,2 раза на западе региона и в 2 раза на востоке.

Разница в уровне сокращения посевов между западной и восточной частями региона определялась политическими и природно-климатическими факторами.

¹² Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1935. С. 339, 347, 350, 352, 354.

В западных округах Сибирского края по сравнению с восточными были максимальные показатели коллективизации и степень обобществления (т.е. отчуждения) крестьянского имущества в колхозах. Многие крестьянские хозяйства, которые вынуждены были вступить в колхозы, а затем из них вышли, понесли невосполнимые потери.

На востоке региона в 1929 г. был собран хороший урожай. Засуха 1929 г. в основных хлебопроизводящих районах Западной Сибири (Славгородском, Рубцовском, Каменском, Барнаульском, Новосибирском и Кузнецком округах)¹³, напротив, привела к неурожаю. В Славгородском округе посевы пшеницы сократились на 43,7 %, овса – на 46,4 %¹⁴. Страховые запасы семян, которые традиционно сохранялись у крестьян этих округов на случай неурожая, были изъяты в ходе предыдущих хлебозаготовительных кампаний. Недостаток семян, явившийся следствием сверхнормативного отчуждения зерна в ходе хлебозаготовок, ощущался не только в недородных округах. Бескормица привела к истощенности тягловой силы.

Однако к сокращению посевных площадей в единоличном секторе экономики привела не только нехватка семян, но и сознательное сокращение крестьянами размеров своего хозяйства до потребительского уровня. К этому их толкала налогово-податная политика государства, угроза раскулачивания. Прочитав приведенное в справке информационно-статистического отдела Сибкрайкома ВКП(б) типичное рассуждение единоличника: «*Сеять – это значит идти на большой риск; тут тебя и окулачат, тут тебе и план до двора доведут и пятикратку, и по миру с сумой пустят. Посею столько, лишь бы хватило семье*»¹⁵.

Поэтому больше всего пострадали наиболее товарные культуры – пшеница и овес. На ситуацию с овсом также повлияло сокращение поголовья рабочего скота. В Восточной Сибири товарность данных культур и растениеводства в целом была меньшей, чем в юго-западной части региона. Меньшим оказалось и их сокращение. Товарные культуры замещались потребительскими. Именно это стало причиной взрывного прироста посевов проса, а также наращивания посадок огородных культур. На западе Сибири часть выращенного льна, картофеля и ячменя поставлялась на перерабатывающие предприятия, на востоке они практически полностью выращивались для собственных нужд. Расширение посевов льна в восточных округах было призвано компенсировать обострившийся дефицит тканей.

Следует отметить, что свою лепту в наращивание посевов проса внесли власти. Из-за отсутствия у государства запасов семян других зерновых в Сибирь было направлено до 500 тыс. пудов этой культуры [2, с. 330, 344]. Одним из его ценных качеств, с точки зре-

ния инициаторов данной операции, была высокая «севокость». Полученным объемом можно было засеять значительно больше пашни, нежели тем же количеством зерна, а затем отрапортовать о недопущении снижения посевных площадей.

По нашим расчетам, основанным на данных земельных органов и статсектора крайплана, крестьяне-единоличники, не вошедшие в колхозы, в 1930 г. сократили посевные площади в своих хозяйствах по сравнению с 1929 г. (с учетом озимых) в Сибирском крае в целом на 30 %, в юго-западных округах – на 42, в северо-восточных округах – на 12 %¹⁶.

Колхозы ни организационно, ни технологически не были способны компенсировать сокращение производительных сил единоличного сектора¹⁷. Организация труда в них находилась на крайне низком уровне. Достаточного количества семян в большинстве колхозов собрать не удалось. В условиях обострившегося дефицита продовольствия в коммунах и сельхозартелях недородных округов часть семенного зерна была перемолота на муку. Возместить нехватку семенного материала государству в полной мере не смогло. Недостаток кормов для скота, приводивший к истощенности тягловой силы, ощущался не только в районах, переживших засуху; он был практически повсеместным. В Сибирском крае заметно сниженный план весеннего сева для колхозов был выполнен на 77,2 %¹⁸.

Таким образом, осуществленная большевистским режимом в начале 1930 г. попытка скоротечного реформирования аграрного строя крайне негативно сказалась на итогах весенней посевной кампании в Сибири. Следствием нехватки семян, сокращения поголовья рабочего скота и его истощенности, плохой организации труда в колхозах, отсутствия стимулов для сохранения прежнего уровня производства у единоличников стало существенное сокращение посевных площадей. Падение производительных сил полеводства стало одним из зримых проявлений общего кризиса сельского хозяйства Сибири, к которому привела аграрная политика советского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 5.
2. Коллективизация сибирской деревни. Январь–май 1930 г.: Сб. документов. Новосибирск, 2009.
3. Ильиных В.А. Поездка Л.М. Кагановича в Сибирь в апреле 1930 г.: санация «головокружения» // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2. С. 52–56.
4. Ильиных В.А. Динамика посевных площадей в Сибири в 1917–1929 гг.: источники реконструкции // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 18–32.

¹⁶ Там же. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 1853. Л. 78; Д. 2033. Л. 45.

¹⁷ Согласно сведениям, приведенным в справке информационно-статистического сектора Сибкрайкома ВКП(б), доля единоличников в яровом посеве 1930 г. составила 65,8 %, колхозов – 28,5, совхозов – 3,5 % (Там же. Ф. П-2. Оп. 5а. Д. 80. Л. 91).

¹⁸ Там же. Выполнение плана в единоличном секторе экономики составило 69 %. Совхозы перевыполнили его на 19 %.

¹³ В 1929 г. доля перечисленных округов в общей площади посева в Сибирском крае составляла 45 % (Сибирский край. С. 297–299).

¹⁴ ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 1853. Л. 78.

¹⁵ Там же. Ф. П-2. Оп. 5а. Д. 80. Л. 99.